

ПРАВИЛЬНО

Александр Гуров

Александр Гуров

Правильно. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Гуров А.

Правильно. Сборник рассказов / А. Гуров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852196-6

Он вычислил это место и теперь ежедневно поздним вечером в любую погоду тащится с Мойки на площадь и прислоняет ухо к выпуклым фигуркам на воротах, он слушает звук тумаков и свист неизвестных ему предметов, иногда что-то шмякается об пол. В этот момент во всём городе участники дьявольского плана, а кто и Божественного замысла, на секунду поднимают головы вверх, прищуриваются и возвращаются к своим повседневным занятиям, оставив Ладо одного и в смятении.

ISBN 978-5-44-852196-6

© Гуров А.
© Издательские решения

Содержание

Правильно	6
ОБЭРИУТЫ	12
Капуста на углу Солянки	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Правильно Сборник рассказов

Александр Гуров

Иллюстратор Александр Рэмович Крылов

© Александр Гуров, 2017

© Александр Рэмович Крылов, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-2196-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Правильно

У южного моря скалы и тёплые бухты, в бухтах и на скалах – дома всех оставшихся. Перекати-поле зацепились за морские корни и упёрлись ногами здесь. Это был широкий безлюдный мыс. Ближайший городок располагался в двух десятках километров отсюда. Три каменных дома стояли на мысу давно, и уже неизвестно, кто жил в них раньше, новые жильцы появились накануне и собирались остаться жить навсегда.

По

По шёл по дороге, потом по степи, и этим пасмурным утром он продолжал идти. Дождь намочил и без того неподъёмный рюкзак на его плечах, дорогу развезло, а к полудню голову уже жгло солнце. Шаги давались всё трудней, но с каждым шагом старые мысли вылетали из головы, нет, конечно, не так легковесно, мысли были тяжелы и вращались медленно, потому они скорее просто переваливались через край головного миксера, никому не нужными падали на дорогу и оставались позади. Теперь только шаг, за ним другой, шаги тянулись чередой и привели к бухте, населённой тысячью шумных морских птиц. При приближении человека они разом поднялись в воздух, а По, рухнув на заветный прибрежный песок, стащил с себя рюкзак с запасами еды и воды на первое время и пополз в прохладное море, оставив ноющее под своим весом тело на берегу. Вернувшись на берег, снял отяжелевшую одежду, положил под голову рюкзак и долго в забытии смотрел на сверкающую морскую воду. Очнулся, когда солнце уже садилось за горизонт. В бухте нашёлся заброшенный остов каменного дома, и По остался в нём до утра, предоставив во всём разбираться завтрашнему дню.

Дар

Дар любила смешивать разные ингредиенты и получать новые, чтобы вновь их смешать или, вовремя остановившись, получить необходимую мазь, отвар, сложносочинённый чай или всё, что угодно. Окружённая подступающими коробочками, склянками с травами и порошками всех видов, она вновь увлеклась и, не найдя под рукой нужного компонента, не отрывая глаз от слабо бурлящей вязкой жидкости на плите, пошарила рукой на полке в поисках склянки нужной конфигурации, и нашла её в доме у моря через добрый десяток лет. Между этими событиями всё случилось как будто сразу, и за это время она не заметила никаких изменений, кроме положительных, а значит, не о чем было беспокоиться. В голове Дар удивительным образом не задерживались второстепенные новости, она всегда была увлечена чем-то без остатка. Теперь она жила в каменном одноэтажном доме в предгорье у моря, а к нему прилегла открытая деревянная веранда размером с небольшой танцпол для двух скупно танцующих твист пар, здесь и в каменном доме безраздельно главенствовала Дар.

Рэм

Долгая дорога на старенькой машине сквозь континент и интересные попутчики, по большей части интерес в них вкладывал сам Рэм, ведущий машину к южному морю. Попутчиков он наделял ненайденными ими качествами, и тогда разговор шёл легко. По дороге попадались ночные старушки, идущие из ниоткуда в никуда с полными вёдрами воды, когда деревни и посёлки давно уже не горели окнами в темноте и никак не заявляли о своём присутствии в обозримых краях. Рэм неизменно останавливался и бесстрашно интересовался у не внушающих никому доверия старушек о своей дальнейшей дороге, а у самых подозрительных ноч-

ных пешеходов – и о судьбе. Континент оставался позади, а судьба всё ещё оставалась неопределённой, и это ему скорее нравилось. В свойственной себе манере петлять по дорогам, даже когда они уже известны и проложены раз и навсегда, он всё же приближался к безымянному мысу у моря.

Рэм свернул на просёлок, где его встретили маленькие птички-камикадзе, твёрдо усевшись на дороге, они до последнего щекотали нервы друг другу, пока последний благополучно не взлетал за несколько сантиметров от приближающегося колеса, потом стайка нагоняла машину, обнуляла своё знание, усаживалась на дорогу впереди, и всё повторялось вновь: те, у кого послабее нервы, взлетали первыми, потом другие, потом последний. После нескольких повторений Рэм устал быть для них Богом и предоставил их жизни самим себе. Оставив зашедшую в тупик птичью цивилизацию позади, свернул в поле. Дорогу к дому уже давно затянуло травой, и сейчас она звонко полоскала дно автомобиля. На последнем отрезке пути в открытое окно заскочил богомол и, заняв мудрую позицию на лобовом стекле, начал непримиримое соперничество в размерах с уже показавшимся впереди домом на утёсе. Рэм купил этот дом совсем недавно на деньги, вырученные от продажи квартиры в городе, планы перебраться к морю он вынашивал давно и только сейчас решился. Эта местность была ему хорошо знакома, он приезжал сюда почти каждое лето, но никогда не оставался надолго.

Вслед за днём к утёсу подступила ночь. Устроившись на крыльце, он закурил, и внизу в бухте у вычищенного ветром каменного дома тоже зажёгся огонёк, а следом засветилась деревянная открытая веранда у дома в предгорье. Все жители безымянного мыса были здесь. Туристов в этих местах не бывало в основном из-за труднодоступности удобных пляжей и отсутствия хороших дорог.

По проснулся ранним утром, тело его всё ещё отказывалось сколько-нибудь оправдывать своё существование, но в целом было настроено его продолжать. Был штиль, и, зайдя в море, По отплыл как можно дальше от берега. Лёжа на спине в гладкой прозрачной воде и для обзора совершая лишь незначительные пассы руками, он внимательно изучил весь мыс и кроме своих стен на берегу разглядел ещё несколько небольших бухт, надёжно защищённых скалами от попадания людей, дом на утёсе и ниже другой дом в предгорье с расходящимися во все стороны натоптанными тропинками – видимо, владелец дома живо интересовался всем, что происходило вокруг.

На обратном пути По заплыл в одну из разбросанных вдоль берега бухт. Занимая всего несколько метров в длину, в ней умещался свой пляж, плоский гладкий камень, на котором и растянулся По, и даже небольшой грот от дождя. Море всё ещё было прозрачным в бело-голубую прожилку, и солнце всё ещё двигалось по небу. Задремав на камне после долгих заплывов, он старался думать о чём-то, но думалось ни о чём. Проснулся он от лёгкого неприятного щелчка рядом, как будто что-то живое смертельно ударило о его камень и, открыв глаза, в каких-то сантиметрах от лица обнаружил крупную саранчу. От падения со скалы или от того, что произошло выше, она заканчивала свою жизнь здесь в так прекрасно созданном им дне, и По ничем не мог ей помочь. Это незначительное событие почему-то выбило его из колеи. Вернувшись в свою бухту, он раскурил маленький походный кальян и, глядя на тёплый тлеющий уголёк, недостатка в мыслях не испытывал.

На следующий день на берегу ему повстречался человек с взъерошенными седыми волосами, безуспешно пытающийся вытащить из-под нависшего над морем утёса самый нижний камушек в его основании. Возможно, он хотел посмотреть, что будет, во всяком случае, именно так всё выглядело со стороны. Предложив ему свою посильную помощь в разрушении побережья, По узнал, что это и есть обитатель каменного дома на утёсе, огонёк которого он видел

сегодня ночью, засыпая в белых выветренных стенах с отсутствующей крышей, а двигало владельцем дома вовсе не разрушение, а добыча камней со следами древних моллюсков, заключённых в основании скал. Эти и другие камни он любовно собирал и монтировал в стены своего дома. Многие глыбы, которые он уже отобрал, были нелёгкими даже на вид, не говоря уже о том, чтобы тащить их вручную в гору. Несмотря на то, что Рэм, как он представился, выглядел достаточно крепким, По вызвался помочь донести камни наверх.

«У меня много времени и я могу заниматься чем угодно и бесконечно долго, – останавливаясь по дороге отдохнуть, говорил Рэм. – Здесь на берегу время слишком велико, исчисляется горами и планетами, и перестаёт быть заметным, и реже замечает меня, или я просто хочу в это верить». Они проговорили весь день. Какие-то слова без сожалений роняли вниз, другие подвешивали в воздух и внимательно рассматривали со всех сторон.

Наступила ночь. Полная луна вышла из-за горы и осветила море. Внизу на открытой веранде зажёгся свет. Рэм настоял, и По остался ночевать на диванчике в гостиной, а сам Рэм до утра отправился работать в мастерскую, что располагалась здесь же на втором этаже дома. Устроившись поудобней, По ещё долго смотрел на белый потолок, пересечённый толстыми морёными балками, на стену с отпечатком окна, по городской привычке ожидая, что застывший свет зашумит колёсами, оторвётся, забегает по стене, но луна крепко повисла в окне над морем, и, несмотря на доносящиеся из мастерской песни исключительно пиратского содержания, По сумел заснуть.

К утру, закончив работу над картиной «Чудесный улов апостолов Петра и Андрея», Рэм переделался в редкие не испачканные краской одежды, которые вне зависимости от своих первоначальных функций назывались им выходным костюмом и хранились в отдельном шкафчике. Сегодня Рэм и старина По – а за это время они уже успели сдружиться – собрались в город. Вдруг оказалось, что пищевые запасы По подошли к концу. Словом, всем сегодня было нужно в город.

Изготовив мази от обветренных губ, для розовых щёчек, белизны лица и составы с другими не менее полезными свойствами для нескольких постоянных заказчиц из города, Дар разложила их в маленькие уютные коробочки и каждую снабдила рисованным руководством к действию. Закрыв дом и повесив ключ на гвоздик у двери, она села на велосипед и отправилась в город. Раз в неделю Дар совершала этот путь и оставляла в домах свои разноцветные коробочки, забирая взамен необходимые продукты. По дороге заезжала к козе с досадной хозяйкой, забирала козье молоко в бидон и к вечеру возвращалась назад. Весь путь она обычно преодолевала одна, здесь некому было встречаться. Но в этот день всё было не так, и навстречу прямо вслед за стайкой разлетающегося из-под колёс пернатого клуба самоубийц, поднимая клубы пыли, мчался, звуча нестройными голосами, зелёный автомобиль, который населяли два её новых и единственных соседа. «Видимо, они уже хорошо спелись», – констатировала Дар, ожидая, когда её с головой поглотит облако пыли. Через мгновение из пыли и дыма появились тысячи забавных извинений и обещаний впредь замечать велосипедистов, кем бы он ни были, тем более что здесь ими всегда безошибочно являлась Дар. Все трое как-то сразу понравились друг другу, и к концу разговора двое из них были приглашены в гости пить чай.

Сегодня они собрались в доме Дар и весь вечер плыли над морем под тёплым абажуром её веранды. Рэм принёс и вручил ей ещё не просохшую новую картину о чудесном улове двух апостолов. Поддавшись искушению, По проверил небольшую сеть и достал из моря пару рыбёшек, так что Дар ничего не оставалось, кроме как испечь для всех свежий горячий хлеб. Все отлично знали эту историю. Накормив своих людей и заняв уютное качающееся кресло, Дар тихо слушала их разговоры, а потом так же тихо уснула. Проснувшись незадолго до рассвета, она застала их всё так же мирно беседующими на краю веранды, ночи здесь были короткими.

Дар сварила кофе, и скоро в предутренних сумерках они уже шли по воде. Зайдя достаточно глубоко, чтобы начать плыть, ещё какое-то время удалялись от берега и в конце концов перестали двигаться, легли на спины и растворились в утреннем море.

Проходили прекрасные дни, а другие только собирались начаться. Со временем По, Рэм и Дар придумали тайные ночные знаки фонариками, говорящие трём посвящённым, что уже можно и даже давно пора приходить в гости. Иногда все ночевали на берегу в доме со звёздами, где жил По, или оставались у Рэма в мастерской и много говорили, но чаще всего плыли на тёплом, уютном корабле-веранде.

В зиму, в ту, что живёт в его городе, По уехал. Он попрощался с Дар. После Рэм отвёз его в городок, потом автобус доставил его к самолёту. По не доверял самолётам и потому каждый раз, ступая на борт, вглядывался в беззаботные лица пассажиров, с которыми вполне возможно ему сегодня предстояло упасть вниз, но, регулярно нарушая законы физики, самолёты один за другим доставляли его в город, в однокомнатную квартиру на третьем этаже.

В этой квартире всегда стояли полярные времена суток. Окно на кухне выходило в глухой колодец, образовавшийся благодаря пристроенным позже трём новым домам. Свет никогда не проникал в этот узкий двор из четырёх стен, и, если у кого-нибудь и возникало желание посмотреть в него сверху, то увидеть можно было только горящее в темноте окно По. Он никогда не выключал свет на кухне, где соорудил небольшой настил за окном, чтобы, высунувшись из него наполовину, греть ноги у батареи под подоконником, а самому смотреть на звёзды, которые, как всем известно, так хорошо видны из любых колодцев.

По любил стук железных колёс по рельсам, и так случилось, что окно его дневной комнаты с неровными углами выходило в город, а по городу протянулась трамвайная линия. Стук колёс и привычный свет фар по стенам непрестанно двигали комнату в завтрашний день. А кухонное окно меняло лишь тёмно-синие оттенки, доверяя своему Alter его светить в небо непрерывным жёлтым и никуда не двигаться.

Дарья Владимировна Крачун работала врачом в первой городской больнице, это была даже не работа, а редчайшее призвание и чистая идея. С детских лет Дарья Владимировна не могла примириться с любыми несовершенствами живой материи в диапазоне от простуды на губах до умирающего во дворе голубя, невесёлой собаки или подслеповатой старушки у подъезда. С идеей всё исправить, насколько это возможно, она училась в мединституте, ходила на курсы аюрведы, ездила в Китай повышать квалификацию по акупунктуре, создавала кремы и отвары и, конечно, лечила, лечила, лечила, и оперировала, и снова и снова лечила. Она считала, что если всё делать правильно, то жизнь будет счастливой, долгой и здоровой. Жизнь, как принято говорить, с завидной регулярностью, достойной лучшего применения, опровергала эту идею, но Дар не сдавалась никогда, и этот вечный мотор двигал её и окружающих людей всё дальше от множества ненужных бед, боли и несовершенств. Эта борьба не затихала ни на минуту.

Поздним вечером Дарья Владимировна села в трамвай и, как часто бывало, направилась в центр города съесть чего-нибудь вкусного. Она любила так ездить через весь город на вечерних трамваях и радовать себя, например, кусочком тыквенного пирога или чем-то ещё, а домой возвращаться уже на такси и на заднем сиденье, прислонившись к прохладному стеклу, вглядываясь в жёлтые окна неспящих.

Ей самой хватало для сна трёх-четырёх часов. Утром она, как всегда бодрая и решительная, садилась в те же трамваи и, нисколько не сожалея о не потраченных на сон часах, отправлялась на работу.

Сегодня трамвай был совсем пуст, и несколько остановок она к своему удовольствию проехала совершенно одна, не считая взъерошенного затылка вагоновожатого. На одной из остановок в последнюю дверь заскочил запыхавшийся пассажир и сел где-то в хвосте трамвая. Так, каждый в своих мыслях, они проехали ещё остановку, на которой водитель вдруг покинул свой пост и решительно направился в хвост вагона. Дар невольно обернулась и увидела недавнего пассажира, уже лежащим на полу и едва подающим признаки жизни, и эти признаки она мгновенно узнала. Водитель трамвая неловко суетился вокруг, пытаясь поднять тяжёлого человека. Дар решительно сорвалась с места.

– Как вас зовут? – окликнула она водителя.

– Петрович, – растерянно откликнулся тот.

– Тогда гони, что есть силы, дружище Петрович, здесь через три остановки моя больница или пропадёт человек совсем!

А ему уже и не надо было ничего говорить, он уже был в пути, трамвай тронулся и набрал ход. Верный ход в нашу пользу. Совсем недавно Петрович начал работу над картиной с библейским сюжетом и как человек, глубоко увлекающийся любой темой, над которой работал, всё чаще стал задумываться о возможности спасения всех людей разом или конкретно кого бы то ни было, и вот он случай с ветерком, с искрами. Петрович был художником, а трамвай – его сбывшейся детской мечтой.

«Что же ты, паршивец, носишься как угорелый», – приговаривала Дар, держа голову пассажира у себя на коленях. «У тебя же высокое давление и лишний вес, это же очевидно, что тебе не надо так носиться. Вы все и всё, как назло, делаете неверно, но я это исправлю, уж будь любезен». Эта уверенность как будто передалась пассажиру, он на мгновение открыл глаза и сфокусировался на лице женщины. Остановка «Больница». Петрович поспешил, и они вместе с Дарьей Владимировной Крачун неуклюже потащили несчастного пассажира к его новой жизни.

По помнил только, что торопился, что сел в трамвай, какая-то женщина сидела впереди. Потом провал, прерывистый калейдоскоп картинок. Склонившееся над ним лицо Дар. Откуда бы ей здесь взяться среди зимы? Бегущий к нему Рэм. Потом они его куда-то несут, и он хочет им сказать какие-то слова, но отчего-то до смешного не может. Потом пусто, пусто, и снова лицо Дар зачем-то уже в белом колпаке. Свет. Занавес.

По очнулся. Доктор у больничной кровати непродолжительно поговорил с ним на своём языке, часто употребляя фразы «ну что же вы, голубчик», «нужно поберечься», «теперь всё будет хорошо», «ещё бы чуть-чуть и», «покой», потом перешёл на прозу и сообщил, что доставили его вовремя и тем самым спасли врач этой больницы Дарья Владимировна Крачун и водитель 12-ого трамвайного депо Рэм Петрович Крылов.

– Так что, когда выпишетесь, голубчик, обязательно найдите и поблагодарите их за второе рождение.

И По выписался.

При выписке главврач неохотно рассказал, что та самая его спасительница следующим же днём пропала и не вышла на работу, и домой, конечно, тоже звонили, и вот уже несколько дней её никто не видел, и «все мы очень беспокоимся». И что теперь осталась только полиция, и они уже отправили соответствующее заявление.

Последняя ниточка, связывающая По с происшествием и с сомнениями в том, что из всего этого дня было правдой, а что просто казалось, был водитель трамвая Рэм Петрович Крылов. В трамвайном депо на историю По о его счастливом спасении и настойчивую просьбу дать адрес и телефон спасителя, только покачали головой, потом развели руками и сообщили, что такой сотрудник действительно был, но уволился около двух лет назад и больше о нём ничего не слышали. Конечно, здесь вкралась какая-то ошибка. Безусловно, ошибка.

Двух людей с именем Рэм довольно сложно себе представить в одном промежутке времени, и По взял билет на самолёт к морю.

Он добрался до городка, потом прошёл знакомой летней дорогой, неся в себе вопросы, но самое важное – По хотел знать, что на берегу его встретят Дар и Рэм, и они вновь вместе поплывут над морем под тёплым абажуром её веранды.

– Старина По, мы ждали, мы думали о тебе, и ты вернулся. Что-то всё таки происходит так, как надо, если, конечно, всё сделать правильно.

2014г.

ОБЭРИУТЫ

На Екатерининском канале, который, как считает мой друг, совершенно справедливо назван именем Грибоедова, дома. Дома и на речке Мойке. Там, где я, тоже не протолкнуться от каменных квартир. Вы видите их сырые фасады и думаете, что Петербург идёт ко дну, или совсем не интересуетесь погружением – не важно, вас видно из окон. Вы отбиваете ногами общий ритм, а за ними не моргнут глазом, но если вы одним ботинком в трясине и судорожно дёргаете ногой, остановились, подняв голову вверх, или получили инфаркт, в общем, застряли, вы имеете вес, на вас смотрят.

Мой давний друг по старой университетской кличке Ладо, что в просторечье означает «владеющий миром», говорит с высшими силами, и они внезапно, никогда не предупреждая, отвечают ему тем же, поэтому ему ничего не понятно. Дверь он не запирает, надеясь на чудо принесённой водки с едой или чудо вина в руках держащих его пульс товарищей, и, что ни говори, эти чудеса постоянно с ним случаются, упрекнуть его не в чем, чудо есть чудо. Сегодня ночью он как обычно стал самозванным свидетелем битвы добрых и поначалу добрых, но сейчас озлобленных сил под куполом Исаакиевского собора – где же ещё всему случаться? Он вычислил это место, и теперь ежедневно поздним вечером в любую погоду тащится с Мойки на площадь и прислоняет ухо к выпуклым фигуркам на воротах, он слушает звук тумачков и свист неизвестных ему предметов, иногда что-то шмякается об пол. В этот момент во всём городе участники дьявольского плана, а кто и Божественного замысла, на секунду поднимают головы вверх, прищуриваются и возвращаются к своим повседневным занятиям, оставив Ладо одного и в смятении. Результат битвы всегда остаётся для него загадкой. Раз уж никакая сторона не берёт на себя труд что-либо ему разъяснить, он берёт на себя смелость трактовать всё, как вздумается, прислушиваясь исключительно к своему собственному настроению. Он – единственный свидетель.

Как обычно в последние тридцать лет по утрам я околачиваю ногами Мойку, с благодарностью принимая воздушные ванны, и посильно пытаюсь придать гранитным плитам вогнутую форму. За этим занятием меня и застаёт Ладо. По горящим глазам и уверенной походке заметно, что сегодня под куполом победило зло и что Ладо не по нраву такой исход, не стоит и спрашивать. Приблизившись на две вытянутые руки, он сходу предлагает мне найти подходящую к сегодняшнему дню жидкость и выпить её, не делись ни с какими навязывающими себя третьими лицами. Жидкость требовалось именно найти. Деньги он презирал.

По дороге на первый адрес мы полностью забыли ОБЭРИУтов, то есть всех поимённо помнили, но то, что они ОБЭРИУты, забыли.

– Теперь жди, – сказал Ладо. – Из мира вытащили первый кирпичик, разве может быть, чтобы два хороших человека одновременно забыли то, что они наверняка помнили?

– Может, просто наваждение, я многого не помню, например...

– Нет, – прервал меня Ладо, – нет. Давай спросим у любого. Даю тысячу неизвестных предметов к одному, что и они не помнят.

Мы остановили загорелого джентльмена средних лет в мягких красивых туфлях, девушку, репинскую студентку с восторженными глазами, старушку с голубями на плечах. Но, нет, они не знали.

– Так может, они не знают об этом изначально? – резонно заметил я. – К примеру, мужчина-бизнесмен, и ему ни к чему, девушка-неофит, и вообще двадцать первый век на дворе, а старушка-божий одуванчик или демон, путающий нас крылами. Неубедительная выборка.

– Хорошо, тогда пойдём к Наташке Волхонской на мост, её-то ты, надеюсь, не подозреваешь в идиотизме?

– Её – нет.

– Скалься, скалься, пойдём же принесём ей наши дары.

Наташа Волхонская работала гидом по Петербургским каналам, и если она не сплавлялась на лодке, то застать её можно было под сенью вздыбленных коней на мосту.

– Привет, Волхонь.

– Привет, По. Привет, Ладо.

– Вот Хармс, Введенский – это кто? – нетерпеливо начал издали Ладо.

– Только не морочьте мне голову, господа. Лучше скажи, Ладо, как твоя полночная битва, какой счёт?

– Всё не так хорошо, мы как раз сейчас заняты последствиями. Так что? Кто они? Не юли.

– Ну, писатели первой половины двадцатого века... – осторожно начала она.

– Входящие в группу под названием...? – продолжил за неё Ладо. И, сделав картинную паузу, совершил приглашающий жест рукой – И? – он ждал.

– Не помню, а ведь была группа, вертится на языке.

– Была до сегодняшнего дня, а теперь нету. Никто не помнит, и это только начало, сейчас пол-одиннадцатого.

– Да ладно, ерунда какая-то, я позвоню Петьке, он наверняка сидит за компьютером, и вся наша незадача рассеется как пудра на лице второсортной актрисы, то есть равномерно.

И она набрала номер.

– Привет, Петруха, готов ли ты выполнить своё предназначение и умереть?

Петька дал согласие.

– Тогда пиши: «В какую группу, творческое объединение входили Хармс и Введенский?»

Она выслушала ответ и озадаченно посмотрела на нас:

– Поисквик выдаёт, что ни о каких группах и объединениях он не слышал, и всякие другие известные нам подробности, но я точно помню, была какая-то аббревиатура.

– Как тонко они нас обошли, – почти ликуя провозгласил Ладо, – вроде что? Ерунда, малость, никто и не заметит сразу, а уже что-то не так. Сегодня нельзя пить, мы выясним, что ещё исчезло.

– Волхонь, после работы сразу ко мне, мы с По соберём всех, кто ещё остался.

– До вечера, братцы, я многих уже давно не видела.

– Я за ним прослежу, – бросил я на прощанье, всё ещё надеясь на разумное разрешение всей этой нелепости, но внутри уже бродило волнение.

Мы направили свои стопы в меблированные комнаты на Гороховую. В этой квартире во главе с её хозяином Костей по кличке Константа в любое время суток давали кров и еду всем бродящим вдоль и поперёк города многочисленным друзьям и знакомым. В благодарность гости без разбора, перемежая ложки суточного борща с чёрненьким хлебом, бросали обожжённые новости к ногам хозяина. И если уж и надо было собрать всех, то только Константа знал, живы ли они ещё и каковы их новые адреса и привязанности.

По традиции, распространённой в фатальных кругах, дверь была открыта, и мы застали Костю одного, сидящим на полу обширной кухни, доставшейся ему в наследство от менее удачливых родственников, давно и бесславно канувших в Лету. Он вёл на кафельных клеточках партию в шашки и заметно проигрывал. Его фигурки из необъятного как кухня чайного сервиза сбились в небольшую кучку в углу, напротив, чёрные чашки доминировали на подавляющей части территории.

– Привет, – обречённо сказал Константа, – они сегодня выигрывают.

– Мы об этом знаем, и потому мы здесь.

– Вы знали, что один чайный сервиз проигрывает другому, используя мои мозги?

– Константа, друг, хватит паясничать, сегодня всё приняло серьёзный оборот, а мы здесь блажим по углам, – одёрнул его я.

– Хорошо, помогите.

И мы решительно собрали с пола чашки, тарелки и кофейники, суеверно начав с чёрных. Костик покинул пределы кухни, принял душ, эмигрировал в дальнюю комнату, где принял официальный вид, поменяв майку на рубашку, а клетчатые широкие штаны на брюки, надел ботинки, побрился, ещё раз умылся холодной водой и вышел к нам.

– Всё, я ваш. Будем пить, говорить, нас подозрительно трое.

– Нет, – сказал я, – ещё утром мы зареклись пить на троих, а потом и пить вовсе.

– Тогда к делу.

– Хармс и Введенский. Синонимы, группы, творческие объединения? Таков наш вопрос, на кону город и все территории, которые к нему прилагаются.

– Так, отказ от традиционных форм, поэтика абсурда, детские писатели, что ещё? Могу почитать кое-что.

– Не надо, мы не дураки.

– Тогда всё.

– А в какой общеизвестной группе они состояли?

– Была какая-то, сейчас почему-то не помню, но разве это важно? Посмотрите в сети, минутное дело.

– Волхонь просила Петьку, в сети пусто.

– Петрухе можно доверять кнопки, но я всё-таки проверю, – он вышел и вскоре вернулся. – Ничего нет.

– Сегодня ночью зло и беспамятство победили, ты знаешь где, – сказал Ладо, – и слово начисто исчезло, но ведь оно было, мы все его знали, и это только начало, час дня. И потому я и По просим тебя, найди всех, кого выйдет, и отправь их ко мне на Мойку, встречаемся там после семи, и сам приходи. Мы к Белову в Эрмитаж, до него как всегда не дозвониться. Да, чуть не забыл, Дашка приехала из Москвы, гостит сейчас у меня.

Это был убийственный козырь, брошенный на стол в последний момент небрежной, холодной шулерской рукой. Все из оставшихся свидетелей знали, что Дашка – студенческая любовь Константы тех времён, когда он ещё учился в Москве в Мориса Тореза. Мы с Ладо поспешно ретировались в парадное.

– До вечера. Зови всех, мы дальше.

Когда мы добрались к Белову, было уже три часа. Белов редко находился в одной комнате со своим телефоном, тот всегда оставался там, где он был, но только что вышел. Это иррациональное, объяснить невозможно. И вот его маленькая корсиканская фигура появилась во внутреннем дворе и с удовлетворением окинула взглядом стремящихся прикоснуться к Эрмитажу туристов. Легко отсеяв радостную публику от двух мнущихся фигур, он победоносно вскинул руку и направился к нам.

– По! Как ты? Давно не заходил. Ладо, привет дорогой. Что привело? Ведь не праздное любопытство?

– Ты нам нужен сегодня вечером, – отозвался Ладо. – Ты не дашь нам скатиться во мрак. Мы сегодня после семи собираемся у меня на Мойке. Будут все, кого найдём, Константа занимается обзвоном. Знаю, как ты относишься к моему неприятительному хобби, но сегодня под куполом всё пошло не как обычно. Сегодня есть последствия. Исчезло слово. Начисто. Мы проверили и перепроверили, и это так, но для тебя мы можем разыграть сценку исчезновения ещё раз.

– Любопытно, у меня пять минут, больше не могу сейчас.

– Мы уложимся в три. Вопрос: в какую группу, творческое объединение входили Хармс, Введенский, Бахтерев, Заболоцкий?

– Думаю, что сдаюсь, – почти не раздумывая, ответил Белов, – сейчас не помню, но в своё оправдание могу перечислить вам декабристов. В чём подвох?

– В том, что никто не помнит и в интернете ноль.

– Но все помнят, что ещё вчера знали, – добавил я.

– Да, это любопытно, – заторопился Белов, – теперь я побежал, работа, в любом случае буду рад увидеть всех наших вечером.

Он махнул рукой и мгновенно исчез за широким бюстом дамы в шляпе с длинными полями, которая беспардонно вторглась на первый план нашего разговора, крича неведомой Тане, что больше никуда её с собой не возьмёт и что зарекалась, но нет, она добрая душа. Мы тоже пошли.

– Вот как у него получается быть таким надменным и занудным и одновременно быть нашим другом? – спросил Ладо.

– Я с ним учился ещё в школе, он всегда был таким, но и всегда выручал меня в трудные времена, – ответил я, – и даже деньгами. Белов – надёжный человек.

– Но, занудный.

– Но, занудный, – подтвердил я.

Мы свернули на Мойку, вошли в знакомое парадное, поднялись на мансардный этаж, где жил Ладо. И осели в ожидании гостей. Шёл пятый час. Уже через полчаса пришла Наташка Волхонская, следом вернулась со своих дневных брожений Дашка. Ровно в 19:05 пришёл Белов, потом Божена, Римас, Кука... Квартира заполнилась знакомыми лицами, все шумели, радовались друг другу. Константа заявился одним из последних, уже ближе к десяти, Дашка выходила из кухни, в руках она держала тарелку с бутербродами.

– Костя, это ты? Да, это ты, – она легко улыбнулась, подняв уголки губ к небесам, и Константа перестал быть неизменной величиной.

В гостиной, и в кухне, и на выходе из окна, поддержанном плоской крышей, все говорили и, несмотря на повисший в воздухе вопрос, разговоры шли на самые неожиданные темы, слышались любимые голоса. К одиннадцати тридцати я обнаружил, что Ладо исчез из квартиры.

Ладо приближался к собору, привычно перемахнув через ограждения, он прислонил ухо и стал слушать. Всё было как всегда, шум, неразбериха, но уже через полчаса что-то сильно бухнуло о врата изнутри, удар был такой силы, что в створках образовался небольшой проход – худой человек мог бы войти туда – Ладо не стал оборачиваться в поисках того, кому впору эта хрустальная туфелька, и протиснулся внутрь. Внутри было темно, звуки битвы ветром носились вокруг его головы. Чьи-то цепкие руки сразу подхватили, оторвали его от земли, потянули вверх и вдруг как-то буднично, без нервотрёпки, деликатно отпустили. Падение. Удар обо что-то мягкое, которое замедлило его полёт, чертыхнулось и шмякнулось об пол. Сверху упал Ладо. С трудом поднявшись, он потянулся навстречу полоске света, оставленной фонарями с улицы. Буквально вытолкнув себя наружу, набрал полную грудь воздуха, закружил голову и кубарем скатился вниз на мостовую. Позади надменно захлопнулись врата.

В полвторого ночи группа поздних туристов из Ахтубинска склонилась над неподвижным человеком. Девушка, больше похожая на богиню плодородия, держала голову пострадавшего у себя на коленях, прикрывая его от возможных ещё больших невзгод своим тёплым бюстом. Ладо открыл глаза:

– Об-эри-уты, – еле слышно прошептал он. – Обэ-ри-уты! – повторил он по слогам.

– Обэриуты – негромко пробурчал под нос Белов. – Что вы мне голову морочите?

И ничего никому не сказав, отправился спать домой: уже полвторого, а завтра в шесть. Много работы.

Все были заняты друг другом, когда в гостиную ввалился потрепанный Ладо, поддерживаемый милой, обширной незнакомкой.

– ОБЭРИУТЫ! – провозгласил он. – Всё хорошо! Это Маруся!

2015г.

Капуста на углу Солянки

Всё началось в Москве, когда в роддоме у метро «Университет» открыл глаза Старичок По, но не на что ещё было смотреть: по холмам гулял ветер, ни метро, ни Белой Москвы, ни серого цвета семидесятых. Стены и потолок палаты, потом стены и потолок его комнаты. Точнее история Москвы началась, конечно, с кулинарии на юго-западе, она была здесь с самого начала. Тысячи глаз видели её, тысячи людей ели эклеры из неё и разносили их по свету, и из них прорастали цветы с частицами этой самой кулинарии, бесконечный круг расходился по земле, набирая силу, но всё равно в один школьный учебный день она исчезла. «Пожар! Кулинария горит!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.